

Трансформация культурно-бытовых реалий и номинаций в этнофольклорном материале XX века

Вячеслав А. Поздеев *

Abstract: *This article provides an analysis of the cultural and social realities of the twentieth century and their various nominations. The article reveals the changes of some words in the Russian language/slang used by the youth. These changes deal with the realities and vocabulary of the following thematic groups: home/hut, yard buildings, women's clothing, such as "sarafan" (long sleeveless gown of countrywomen) and "apron" are analyzed in the article. We reveal the paradigmatics of the characteristics of realities and their reflection on the categories of ethno-dialectal microsystems.*

Key words: *ethno-dialectal realities of ethno-dialectal microsystems, house/peasant's, courtyard structures, traditional women's clothing, folklore.*

---

* Доцент, Вячеслав А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор Кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, Россия. slavapozd@yandex.ru.

1. Введение

Социальная, культурная и этническая ситуация в России в конце XIX – начале XX века быстро менялась, это отразилось прежде всего в языке. В XX веке происходят изменения в экономической, политической, социальной, административной, мировоззренческой сферах, которые повлекли за собой существенные изменения в словарном составе, в использовании различных слоев лексики. Эти изменения коснулись этно-диалектной концептосферы русского языка.

В работах Н. И. Толстого, С. М. Толстой была разработана система этнолингвистического описания современного состояния различных этнокультурных зон (украинское и белорусское Полесье, русский Север). По мысли Н. И. Толстого исторический опыт, мировоззрение народа обуславливают и формируют концептосферу (картину мира), систему культурных семиотических (символических) смыслов, что подчеркивает своеобразие каждого типа культуры. Ученый отмечал это по поводу народной культуры Полесья (однако, такие выводы можно сделать и о других регионах). Н. И. Толстой писал, это «народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная духовная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляют собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры» (Толстой 2013, 12).

Польский этнолингвист Ежи Бартминьский в своих работах отмечает, что «показателями стереотипизации являются: повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, что можно исследовать статистически, а также закрепление этой характеристики в языке, а именно в значении слова, о чем мы можем судить на основе анализа словообразовательных производных (дериватов), метафор, фразеологии, пословиц и поговорок, а также – правил построения семантически связного текста» (Бартминьский 2005, 169).

2. Исследование языковых стереотипов в современной лингвофольклористике

В середине 1980–1990-х годов ученые обратились к проблемам реалий и номинаций в фольклорных текстах. Такие проблемы пытается решить современная лингвофольклористика, которая представлена работами А. Т. Хроленко, И. С. Климас, С. П. Праведникова, М. А. Бобуновой и других исследователей курской школы лингвофольклористики. Вышли словари (конкордансы) И. С. Климас «Словник и частотный словарь былин Кирши Данилова»; «Беломорские былины: словник и частотный словарь» С. П. Праведникова, «Словник и частотный словарь северных песен из собрания» А. И. Соболевского, «Великорусские народные песни» И. С. Климас, «Онежские былины: частотный словарь» М. А. Бобуновой, «Частотный словарь русских баллад» О. Н. Разиньковой; серия словарей и частотных словарей С. П. Праведникова: «Былины Печоры», «Архангельские былины, собранные А. Д. Григорьевым: Поморье и Пинега», «Мезенские былины», «Песни,

собранные П. Н. Рыбниковым» а другие. В 2005 году свет увидели два выпуска «Словаря языка русского фольклора», первая часть представляет собой анализ мира природы онежских былин, вторая – мира человека, с расширением «Лексика былины» М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко.

Можно отметить работы Е. Б. Артеменко в области народно-песенного текстообразования. В ее работах вскрыты семантико-языковые модели, лежащие в основе построения речевой ткани текстов русских народных песен и русских былин. В когнитологии также отмечаются тенденции исследования этнической концептосферы. Эти исследования опираются на гносеологическую природу концепта, на конкретно-чувственные и логические компоненты концепта (Артеменко 1994, 106–116) А. Т. Хроленко отмечал, что слова, как культурный концепт, образуют специфические вербальные группировки – лексико-семантические парадигмы. Даже в диалектной речи наблюдаются изменения в сочетаемости слов, избыточность речи, клишированность речи (Хроленко 1992).

Фольклор понимается учеными как форма, моделирующая системы традиционной народной культуры: *«ее реалии, ее номинации, ее семантику, мифопоэтику, то есть континуумы традиционных культурных смыслов. Фольклор, естественно, подвергает эти реалии семантическому перекодированию в такие элементы и формы, которые являются составляющими «концептосферы устнопоэтической картины мира».* Фольклорная традиция в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна», так считает Б. Н. Путилов, потому что народная культура в большей мере обусловлена историко-социальными, культурными и пространственными аспектами (Путилов 2003, 156).

В исследовании, которое лежит в русле моего гранта, мы сфокусировались на анализе изменений реалий и номинаций этно-диалектных систем в XIX–XX веке. Методика нашего исследования базируется на анализе словарных статей, фольклорных текстов, отражающих традиционные реалии быта жителей Кировской и других областей России в период XIX–XX веках. При проведении исследования использовались следующие методы лингвистического анализа: метод анализа словарных дефиниций. Результаты исследования представлены ниже.

3. Народно-культурные реминисценции в некоторых словах молодежного сленга

Одним из перспективных направлений этно-диалектных номинаций является анализ употребления их в молодежном сленге. В современном языке происходит процесс возвращения в активное употребление устаревших слов (Шмелькова 2012, 114–115). Современное состояние молодежной речи характеризуется активным использованием сленга – этот особый пласт в языке отмечается метафоризацией значений слов. Необходимо указать, что даже в молодежном сленге проявились этнические реалии.

В молодежной среде и в среде интеллигенции происходит два разнонаправленных процесса и тенденции: это – эвфемизация речи, с другой стороны – ее огрубление. Проблема огрубления современной речи, связана как бы с «потерей» цензуры в литературе, в СМИ, в кинематографе. Особенно в 1990-е годы ощущение свободы во всем привело к всплеску интереса широкого круга россиян к блатному жаргону, фольклору. Как отмечал Ц. Ю. Неклюдов, речевой обиход современного города включает и целый ряд малых форм фольклора – паремии, фразеологические клише, причем в большинстве случаев набор их пополняется из арсенала *«высокой литературы или – чаще – из текстов массовой культуры»* (Неклюдов 2003, 13). Здесь большое влияние оказали низкопробные телесериалы, кинопродукция. Распространяется в язык печати, а затем отражается в разговорной речи молодежи – становится модным. Словарь сленга формируется из различных источников: заимствования из просторечия, жаргонов, диалектов.

Многие слова в сленге отражают восприятие реалий из народной культуры, которая для современной молодежи является уже «чужеродной». Так слово «ЗАКВАСКА» означает вещество, вызывающее кислое брожение, например, дрожжи: «Закваска в тесте». Существует переносное значение: о чертах характера, заложенных воспитанием, средой: *«у кого-нибудь хорошая, плохая закваска»*. В русской речи существует целый ряд слов в обозначение глагола *«выпить»* (Тиханов 1904, 17). В молодежном сленге «ЗАКВАСИТЬ» обозначает начало пьянки, начать пьянку. Квасить, глаг., несоверш. – употреблять алкогольные напитки, синоним: бухать.

В народном говоре «ПАСТИ» 1. Беречь, содержать где-нибудь в целости и сохранности. 2. Оберегать, защищать кого-либо. В сленге «ПАСТИ» – следить за кем-либо. «Пасут дебушек». «ПАСТУХ» – суц. от пасти.

СЕПАРАТОР – устройство для отделения из молока сливок. В молодежном сленге: СЕПАРАТОР – слово употребляют о приборе, устройстве неизвестного происхождения.

СУНДУК – большой ящик, ларь для хранения вещей или продуктов с крышкой на петлях и с замком. В сленге СУНДУК – плохо и долго соображающий человек.

БОДЯГА (разг.) – традиционное народное средство от синяков, ушибов, ревматизма. Совсем другая семантика появляется в сленге БОДЯГА – дело, проект. *«Замутить бодягу – сделать дело»*, *«Разводить бодягу – затевать долгое дело»*.

В сленг вошли такие слова, семантика коротых изменилась незначительно, однако имеет своеобразную окраску: ПРИКИД (прикинуть – примерить одежду), в сленге – одежда, стиль одежды, САБАНТУЙ (татарский праздник), в сленге – вечеринка, ШЕБУТНОЙ (от шебутиться – суетиться) в сленге – веселый, шумный, живой (Скляревская 1998; Химик 2004; Грачёв 2006).

Происходит трансформация семантики под воздействием метафоризации. Так некоторые этно-диалектные слова, обозначающие традиционные реалии, в современной бытовой жизни, в процессе разговорной речи по-

лучают новые значения. Это явление встречает неоднозначную реакцию у населения, однако, многие к этому процессу относятся нейтрально.

4. Изменения некоторых реалий и номинаций в диалектной и литературной лексике, обозначающей хозяйственные постройки

Этнические маркеры представляют собой различного рода языковые, диалектные, фольклорно-этнографические компоненты традиции, которые показывают принадлежность к тому или иному этносу. Язык, можно сказать, это основной носитель этнических и культурных начал, поэтому этнолингвистические аспекты маркеров являются наиболее репрезентативными. Как показывают исследования последних десятилетий, этно-диалектный материал представляет собой сложную макросистему частных этно-диалектных систем, характеризующуюся общими и различительными признаками.

Культурно-бытовые реалии, под воздействием социальных, технических сдвигов, заменялись новыми, однако в сельской местности инерция традиции была еще очень велика. Вплоть до середины XX века использовались в «российской глубинке» в личных хозяйствах те орудия труда и те традиционные методы обработки земли, уборки урожая, бытовая утварь, которые использовались и в конце XIX века. Надо отметить, что инерция традиции в использовании всего этого настолько велика, что и в начале XXI века в личных хозяйствах в русских и не только в русских деревнях (но и в удмуртских, марийских, коми) используются для сенокоса косы литовки, косы горбуши, деревянные грабли, вилы. Используется кухонная утварь: чугушки, глиняные горшки, кринки, мутовки, сито, решето, пестери – коробка для переноски сена и т. п.

Каждая этнодиалектная микросистема является полноценным отражением в народном сознании тех или иных реалий, что позволяет соединять изучение ее семантики, структуры, этнических и поэтических аспектов. Парадигматика признаков реалий и номинаций этнодиалектных микросистем (тематических групп) может быть классифицирована по ряду признаков: 1) по характеру самого признака и 2) по характеру (класса) объектов, к которым относится признак. Как отмечала С. М. Толстая: *«В первом случае существенна онтологическая природа признака: относится ли он к размерам, форме, цвету, субстанции, структуре, количественным параметрам объекта, к его функциям, оценке и т. п., а также его «системная» характеристика и иерархическая позиция: является ли он универсальным, родовым, видовым, индивидуальным, как он соотносится с другими признаками (в какие оппозиции вступает, с какими признаками соцветается и т. д.). Во втором случае существенно, к какой сфере действительности относится признак: одни признаки и виды признаков характеризуют человека в его биологическом, социальном, ритуальном статусе; другие релевантны для растений, животных, материальных предметов; третьи характеризуют время, пространство, действия и т. д.»* (Толстая 2013, 131).

При изучении трансформации реалий и номинаций, а также их семантики, можно выявить: денотативную область признака, то есть его референтное, или «предметное» поле, а также область объектов, к которым он может относиться. Важно выделять и признаковое поле объекта (набор, иерархия, семантика признаков, релевантных для культурного стереотипа того или иного объекта).

В народной культуре довольно много традиционных названий имеют части дома/избы, дворовых построек: крыльцо, сени, середь, клеть, сен-овал, крыша, конек, ободворица, хлев, колодец и т. д. (Баженова 2011). Это «предметное» поле наиболее релевантно в прошлом и настоящем для культурного стереотипа сельских жителей. Эти реалии и номинации используются местным населением до настоящего времени. Примеры диалектных слов взяты из «Областного словаря вятских говоров»:

ДВОР и **ДВОРЕЦ**, м. 1. Хозяйственные постройки для скота. *Из двора скотину выгони. Во дворе поросенок. Пойду на двор лошадям задавать. Опять во двор надо идти. Куриц-то во двор загони. В дальнем поле в лесу двор, огород. Сегодня корову не выгнали, оставили во дворе.* 2. Пространство перед хлевом, куда выгоняют скот. *Теплые хлевы есть и дворы. Пристен к хлевам делали и двор. Во двор скотину пускали.* 3. Ферма. *Моя мама уходит на двор в шесть часов. Отец ушел на двор. На дворе эту пору никого нет.* 4. • **НЕ ДВОР**. Не ко двору, не приживается, не живет (о домашних животных, о скоте). *Кошкам у нас.*

ДВОРИНА и **ДВОРИЦА**, ж., ед. 1. Дом и двор со всеми постройками, усадьба, приусадебный участок. *На новую дворину переехали. Огород. Дворина у нас большая.*

ДВОРИЦА, ж., То же, что дворина 1. *Большая у нас дворица, как успеваеете обрабатывать? Пойду выйду на дворицу.*

ДВОРИЩЕ, цп. Огороженное место для скота в поле. *На дворнице ушли доить коров* (Областной словарь 3, 117–118).

ОГРАДА, ж. 1. Двор при крестьянском доме. *Цыплята в ограде гуляют. Прибраться в ограде надо. У каждого в ограде колодцы. В ограду скот-от заведи.* «В ограду уже входил Егор Филиппович, сухощавый, невысокий человек на деревяшке вместо левой ноги»; «Стоит ему ударить в железо, и деревня оживёт, заспешат люди, старухи станут выгонять бурёнок из оград»; «Что теперь терзаться мне – я ли да не я ли? Снова чинятся к зиме у ограды сани»; // Свободное место во дворе, пространство между постройками. // Передний чистый двор, прилегающий к дому. // Огороженное место для скота при доме. 2. Крытый двор между избой и хозяйственными строениями для скота. *Мужики в ограду вышли покурить. Половик в ограде на скамье лежит. Соху и борону приташили в ограду. Он был в ограде, возился с мотоциклом.* «Дедушка велел мне отнести в ограду чекмари, палки, оставшиеся от кружала» Ситников «Русская печь»; 3. То же, что огород. *На ограде ведро висит. У Фёдора ограда высока да*

пёс свиреп. Ограда уж покосилась. 4. Огороженное место около церкви. 5. Кладбище. У тятеньки на ограде давно не была. Мы ходили на ограды к могиле дедушки. В Троицу-то на ограду у нас ходят. В Троицу на ограду пойдём.

ОГРАДКА, ж. 1. Крыша. *Дом-то весь новый, а вот оградку надо менять. 2. То же, что ограда 2. В оградке всё и хранили. Курить выходите в оградку.*

ОГРАДУШКА, ж. Небольшое помещение в задней или передней части двора для хранения инвентаря. *Оградки сзади были холодными, соломой загородят, телеги, сани, колеса в оградушке хранили* (Областной словарь 7, 59).

ОБОДВОРИНА, ж. Крестьянский дом с хозяйственными постройками. То же, что одворица. 1. Раньше ободворицам звали, а теперь усадьба.

ОБОДВОРИЦА, ж. Крестьянский дом с хозяйственными постройками. То же, что одворица. 1. Я за ободворицу схожу. Дом занимает половину ободворицы. 2. Приусадебный участок, огород. То же, что одворица 2. У них на ободворице всё растёт. Наша ободворица 15 десятин. «Плохой был ныне урожай, выгорел от жары весь, но тут вот, на ободворице, устоял» (Областной словарь 7, 27).

КЛЕТЬ, ж. 1. Холодная бревенчатая пристройка к дому, используемая в качестве летней избы и кладовой. *Мукато в клетки стоит. Все сундуки в клетки стоят. Молодые в клетки поспят. «И вынесла бы она из клетки ярушник». «Он безжалостно прошёл по Теплогорью, обшарил всё, распянул амбары и клетки – в них было пусто, не осталось ни хлеба, ни семян». // Особые помещения над двором. // Комната в сенях. 2. Постройка для хранения зерна, амбар. 3. Хлев. *Клеть почистить надо бы. 4. Погреб* (Областной словарь 5, 51).*

Изменение в обмолоте зерновых привело к тому, что из реалий исчезает место, где крестьяне обмолачивали зерно. В начале XX века зерно для обмолота свозили на телегах на гумно.

ГУМЕННИК₁, **ГУМЁННИК**, **ГУМЕЛЬНИК**, м., **ГУМНО** и **ГУМНИЩЕ₁**, ср. Ток, где молотят зерно; гумно; сарайная часть овина, предназначенная для овмолачивания. *У Васиных гуменник-от всех больше был. Она вчера целый уповод работала на гуменнике. Седни все на гуменнике работают. Пойди и приготовь гумельник – скоро молотить. На гумённике молотила застучали.*

ГУМЕННИК₂, **ГУМНО** и **ГУМНИЩЕ** 1. Огород, используемый для выращивания зерновых и овощных культур. *Нынче с гуменника собрали богатый урожай. На моем гуменнике все сено выкошу.* Земельный участок с сараем, используемый для складывания обмолоченной соломы, сена, а также для выпаса телят.

Добежала бы ты до гуменника, вилы принесла (Областной словарь 3, 104).

Хозяйственные постройки для хранения снопов *овин, рига, гумно* были известны в разных говорах (Баженова 2010, 278–283; Андреев 1996, 93–99). С появлением колхозов и машин «ГУМНО» расширялось и получило название «ЗЕРНОВОЙ ТОК» (зерноток), потому что там обмолачивали зерно «МОЛОТИЛКАМИ».

ГАРАЖ, м. Зерновой ток. *В старину ладонью звали, потом гумном, а сейчас гаражом зовут, а не током.* (Областной словарь 3, 30).

Название «ГАРАЖ» появляется потому, что зерно свозили машинами, иногда машины оставались на зерноток до утра, там их могли ремонтировать. Последний пример показывает, что прагматические признаки реалей отражаются в номинации. Как отмечает С. М. Толстая: «*Реальные, онтологические свойства объектов действительности не только опознаются, интерпретируются и оцениваются традиционной культурой, но и «вступают в диалог» с носителями традиции, становятся объектом воздействия, т. е. помимо чисто семиотической и когнитивной роли приобретают прагматические функции [...]*» (Толстая 2013, 131).

5. Изменения реалей и номинаций в признаковом поле «одежда»

Признаковое поле реалей «одежда сельских жителей» также изменилось. Как отмечала О. Н. Крылова, «*в севернорусских говорах название сарафанов составляют значительную группу в лексике одежды*» (Крылова 1998). Изменения можно видеть в наборе реалей и их иерархии, в семантике признаков, релевантных для культурного стереотипа того или иного объекта. Это, пожалуй, самые заметные изменения реалей и номинаций в XX веке.

Одежда русских Вятского края отражает историю формирования русского населения края с XIV в., когда происходило активное заселение русскими Вятских земель. В результате сложных исторических и этнических процессов на основе костюма выходцев из Новгородского и Владимиро-Суздальского регионов Европейской части России и элементов одежды тюркских и финно-угорских народов здесь сложился своеобразный комплекс одежды. Это позволяет выделить особый тип традиционного русского северного костюма, наряду с южным и западнорусским.

В середине XIX – начале XX вв. Вятская губерния была одной из немногих, где сохранялся традиционный материал одежды (холст – домотканая льняная ткань). Из белого холста шили женские и мужские рубахи, мужские штаны, передники, а также использовали «пестрядь» (холст из крашенных ниток).

Традиционной женской одеждой был сарафан (Ефимова 1989). Сарафан – собирательный термин, обозначающий длинную горничную одежду на широких плечиках или лямках. Термин сарафан, имевший, вероятно, иранское

происхождение, возник от слов «saraga» или «saragai» (одетый с головы до ног), обозначал первоначально длинную мужскую плечевую одежду с рукавами. В зависимости от материала, кроя или места бытования сарафан мог называться: саян, сукман, касталан, ферязь, шубка, клинник, атласник, кумачник, штофник, бархатник, пестрядник, костыч.

На Вятке в XIX веке был распространён северный комплекс женской одежды с сарафаном. Он включал в себя рубаху, сарафан, пояс, иногда передник. Номинация реалий в народной культуре – это сложный культурный и когнитивный процесс (Жуковская 1996).

Различают сарафаны и по особенностям кроя и способам обработки, такие особенности отразились в номинациях.

ГОРБУН, м. Особый вид женской одежды, похожий на сарафан, но сшитый в талию.

КРУГЛЯК, м. Ситцевый сарафан, сшитый из прямых полотнищ, собранных вверху на узкой обшивке, с узкими лямками. *Ноне уж редко клинчатники те носят: теперь кругляки пошли* (Областной словарь 5, 129).

КЛИНЧАТНИК, **КЛИНАСТИК** и **КЛИНОВАСТИК**, м. Сарафан с клиньями. *Ноне уж редко клинчатниките носят: теперь кругляки пошли* (Областной словарь 5, 52).

Иногда в названиях отразилась история и местность, из которой были заимствованы реалии, в частности ткань, крой и особенности украшения были заимствованы из Москвы:

МОСКОВЕЦ, **МОСКОВИК**, **МОСКОВНИК**, **МОСКАЛЬ**, м. и **МОСКОВКА**, ж. 1. Широкий пышный сарафан на коротких широких бретелях (чаще нарядный). *К Паске и мне московецъ сошьют. Хвастаеця новым москovicем. Москovicто не у каждого есть. Вон в московчатто сколь баско, а нарядныто сколь казалась. Москovicто у меня был атласный, в сборку. Ноне москovic из моды вышол. И нарядилась она в москovic. Был у нас шит москovic из холста, мы с сестрой носили его по праздникам. Москovicов у ей много было: богатая она была. Москovic оболоку да на вечерку пойду.* // Сарафан из красного холста. *Москovicто на ней больно уж красив* (Областной словарь 6, 83).

МОСКОВИК, м. То же, что москovic 1. *Московик не сошьешь ли мне?*

МОСКОВКА, ж. То же, что москovic 1. *Московку нову шила.*

МОСКОВНИК, м. То же, что москovic 1. *Надень московникто. Три московника принесла* (Областной словарь 6, 83).

Сарафан имел разные названия по ткани: «пестрак» (из пестряди – цветного домотканого холста): **НАГОЛЬНИК**, м. Домотканый сарафан из красной материи (Областной словарь 6, 140). Также сарафан имел название по

цвету: КУМАЧНИК (Областной словарь 5, 150) Материал также имел отношение к названию сарафана: СТАМИЛЬНИК, (МУШУН, САНДАЛЬНИК, САМОТКАНИК, СИНЮХА) м. Сарафан из крашеного холста. *Стамильник-то полинял. СУМУН, м. Сарафан. Сшили Тане сумун, нет такого у подруг. А также ШУШУН, ШАРШУН. Ср.: нагольник.*

Вещи из покупной хлопчатобумажной материи «достали» стали называться «достальными» (История и культура 2005, 333–334). Так появилось название хлопчатобумажной ткани «китайка» и дало название и сарафану:

КИТАЙНИК, м. Широкий сарафан, сшитый из одноцветной ткани китайки. *Китайники шили только богатым невестам. Шили из блестящей материи, покупали дорого. Спереди в два ряда пришивали китайное кружево до самого подола, а между кружевами пришивали семь метельков из разноцветных лент. Замуж собралась, а есть ли китайникот? // Сарафан из клетчатого холста. Износила я свой китайник. // Сарафан с отделкой, сшитый клиньями. Больно уж широк у тебя китайникто (Областной словарь 5, 45).*

Ткани фабричного производства были с набивным рисунком на синем фоне, поэтому сарафаны имели название СИНЮХА. Еще один признак фабричной ткани – это ее легкость, в отличие от домотканой, поэтому и сарафан назывался:

ХОЛОДНИК, м. Сарафан из лёгкого набивного материала. *Сарафан у нас холодником зовут (Областной словарь 11, 243).*

В фольклоре и в поэзии САРАФАН стал символом девушки/женщины. В самых популярных песнях: «*Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...*», «*Во ку-, во кузнице...*».

В пословицах: «*Смалчивай, невестка, сарафан куплю*», «*Снову сарафан на все пригожаеця, а обносиця – по подлавочью наваляеця*», «*Молодец в кафтане, девка в сарафане*».

В конце XIX в. для праздничной одежды крестьяне все больше начинают использовать ситцы (популярные набивные ткани) и другие фабричные ткани (сукно), а ткань домашнего изготовления применяется часто для повседневной одежды. В начале XX века крестьянская одежда начинает испытывать влияние общей моды, выразившейся сначала в употреблении фабричных тканей, отделки, головных уборов, обуви, а затем в изменении самих форм одежды. С 1930-х годов происходит постепенное вытеснение верхней одежды из домотканого холста. В этой связи исчезает из активного применения сарафанный комплекс, появляются платья из ситца. Однако сарафаны, как реалия и номинация не исчезают.

Современный женский сарафан имеет несколько иной крой, используются различные современные ткани. Однако само название этой женской одежды не забыто и активно используется.

Одним из элементов женского одежного комплекса является передник или фартук. Так существуют разновидности фартука/передника. Фартук в

хозяйстве предназначен для защиты одежды от грязи при кухонных работах. Функционально различают: кухонный фартук, фартук домохозяйки, фартук повара, фартук официанта, фартук парикмахера, фартук кузнеца, фартук масонский, фартук школьницы (элемент школьной формы).

Фартук – часть формы гимназисток в Российской империи и советской школьной формы девочек: чёрный фартук – для ежедневной формы, белый фартук – часть праздничной формы. Школьный фартук обычно состоял из самого фартука и пришитых к его поясу бретелей. Иногда фартук дополнен «грудкой», которая пришивается к поясу и бретелям.

В вятском диалекте существует несколько названий фартука:

ЗАНАВЕСКА, ж. Длинный женский передник. *Когда готовить начинаешь, занавеску одеть надобно.* // Длинный передник с лифом, иногда с рукавами (Областной словарь 4, 128).

ЗАПОН, м. и **ЗАПОНЬ**, **ЗАПОНА**, ж. 1. Фартук без верхней части, закрывающей грудь. *Добрым коням на попоны, красным девкам на запоны. Сшила бы себе запон, а то у печки все платье загрязнишь. С запоном-то платье дольше хоть терпит. Я твое платье распорол, на запон хоть мне. Полон запон насобирала огурцов. «Бывало, она схватит от Ермила колотушку, проплачеца, утрёца запоном, да и норовит опять заговаривать с ним.» «У подружки на запоне вышит наугольничек, у подружки, у холеры, басок полюбовничек.»* // Рабочий фартук. 2. Холщовая кофта или куртка до пояса с рукавами, надеваемая поверх одежды во время стряпни, при молотье, на сенокосе.

ЗАПОНА, ж. То же, что запон 1. *У бабушки новая запона. Бабушка не может у печки стоять без запона* (Областной словарь 4, 141).

ОПОДОЛЬНИК, м. 1. Фартук. *Пойду, в оподольнике пока, дак сена корове дам.* 2. Подол платья, юбки. *Оподольник-то у тебя запачкался* (Областной словарь 7, 107).

ПРИПОЛ, м. 1. Пола одежды, подол. *Припол-то весь измарала. Ильинское, Бабка набрала губ в припол. Припол-то разошёлся – дует больно. Корзину и припол рыжиков набрала. Весь припол замочила: сыро больно в лесу. «С посиделок выходит девица за ворота, набирает в припол своего сарафана снегу, поёт и приговаривает.»* 2. Фартук. *Хозяйничать в приполе удобно. Юбку-то с приполом надень. Новый припол сшила. Без приполу плохо – замаешься платье-то. Лежит припол в сундуке.*

ПРИПОН, м. 1. Передник, фартук. *Припон с нагрудницей сшила. Припон-от шьют всяко: с нагрудником и без нагрудника. Без припону нельзя ходить: обмажешь всю юбку. Припоны продают в лавке. Положь в припон еду-ту.* 2. Подол. *Ребёнка с поля в припоне принесла.* 3. Мешок с кормом, надеваемый на морду лошади. *Поедешь в извоз, берёшь припон.* **ПРИПОНА**, ж. 1. Кусок материи, служащий для переноски чего-либо. *Сено принесли*

в припоне. Нгр. 2. Полог. Иди-ко под припону: комары не будут кусать.

ПРИПОНЧИК, м., уменьш. То же, что припон 1. Фартук с нагрудником или без нагрудника. *Припончики раньше надевали* (Областной словарь 9, 1).

Диалектологи фиксируют диалектную лексику разновременных периодов. Современное состояние говоров, разная сохранность традиционных элементов быта, диктуют тщательность сбора любой этнографического и диалектно-фольклорного материала, что становится актуальным в изучении говоров в «*бытовом и этнографическом освещении*» (Рут 2002). Однако, на наш взгляд, существует некая инерция в интерпретации бытовых, общественных реалий. Это заключается не только в лексических вариантах, но и в использовании и интерпретации этих лексем в фольклорных текстах, их сочетаемости в поэтических произведениях. Так в частушке «*обыгрывается*» фартук и его детали:

*У подружки на запоне
Вышит наугольничек,
У подружки, у холеры,
басок полюбовничек.*

6. Частные заключения

Исследование отдельных аспектов представленной проблемы можно сделать некоторые выводы о закономерностях некоторых реалий и номинаций (лексем) в рамках определенных семантических этно-диалектных групп.

1. Современное состояние молодежной речи характеризуется активным использованием сленга. В сленге происходит процесс возвращения в активное употребление устаревших слов, которые отражали этно-диалектные аспекты традиционной культуры, некоторые этнические реалии. В сленге эти слова представляют особый пласт, который отражает процесс метафоризации. Такая тенденция отмечается в словарях молодежного сленга.

2. Анализ некоторых бытовых реалий, их исторические трансформации позволяют реконструировать и определить, какое место они занимали и занимают в этно-диалектных номинациях XX–XXI вв. Анализ современных этно-диалектных микросистем является полноценным отражением в народном сознании тех или иных реалий. Так анализ названий дворовых построек, некоторых вещей одежного комплекса, на наш взгляд, позволяет уяснить механизм инерции в народном сознании при номинации старых и новых реалий (этнографический, фольклорный и диалектный аспект).

3. Словарная фиксация этно-диалектных материалов, будучи одним из этапов изучения народной культуры, дает этнографу, фольклористу и, в большей степени, диалектологу материал для дальнейшего этнолингвистического описания разных феноменов в определенном регионе.

Следует разграничивать случаи, когда слово пассивного запаса известно, несмотря на ушедшую в прошлое реалию, и случаи сохранения в пас-

сивном запасе слов, обозначающих реалии, никогда не существовавшие в данной местности. В одних случаях информанты при опросах (интервью) часто поясняют этнографические реалии лексикой, которая знакома им от родителей, однако, изменения в технологии, в конструкции, способах изготовления не дают новых номинаций.

Литература

- АНДРЕЕВ, Вадим Константинович (1996): Названия помещений для сушки и обмолота зерна в псковских говорах (данные картотеки Псковского областного словаря и возможности их использования при собирании сведений для ЛАРНГ). В: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994*. Санкт-Петербург: Издательство ИЛИ РАН, с. 93–99.
- АРТЕМЕНКО, Евгения Борисовна (1994): Еще раз о диалектном/наддиалектном характере языка фольклора. *Филологические записки* 3/1994, с. 106–116.
- БАЖЕНОВА, Татьяна Евгеньевна (2011): Наименования построек в пределах традиционного комплекса крестьянского дома. В: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011*. Санкт-Петербург: Наука, с. 396–404.
- БАЖЕНОВА, Татьяна Евгеньевна (2010): Слова овин и рига в самарских говорах. В: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010*. Санкт-Петербург: Наука, с. 278–284.
- БАРТМИНЬСКИЙ, Ежи (2005): Языковые стереотипы. В: *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва: Индрик, с. 158–213.
- ГРАЧЁВ, Михаил Александрович (2006): *Словарь современного молодёжного жаргона*. Москва: ЭКСМО.
- ЕФИМОВА, Луиза Владимировна (1989): *Русский народный костюм*. Москва: Советская Россия.
- ЖУКОВСКАЯ, Зинаида Владимировна (1996): Слова – названия одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, украшений в псковских говорах. В: *Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования)*. Санкт-Петербург: Издательство ИЛИ РАН, с. 88–92.
- ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА (2005): *История и культура Вятского края (Под ред. Ирины Юрьевны Трушковой)*. Москва, Киров: Академический Проект, Константа.
- КРЫЛОВА, Ольга Николаевна (2001): Наименования сарафана в севернорусских говорах. В: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998*. Санкт-Петербург: Издательство ИЛИ РАН, с. 249–253.
- НЕКЛЮДОВ, Сергей Юрьевич (2003): Фольклор современного города. В: *Современный городской фольклор*. Москва: Российский гос. Гуманитарный ун-т, с. 5–21.
- ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ (2012–2017): *Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–11. (Под ред. Зои Викторовны Сметаниной)*. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС».
- ПУТИЛОВ, Борис Николаевич (2003): *Фольклорная культура; In тетогіат*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- РУТ, Мария Эдуардовна (2002): Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи. В: *Материалы и исследования по русской диалектологии. II (В ИИ): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова*. Москва: Наука, с. 241–250.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Галина Николаевна (1998): *Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия/под ред. Галины Николаевны Скляревской*. Санкт-Петербург: Астрель, АСТ, Транзиткнига.

ТИХАНОВ, Павел Никитич (1904): *Криптогlossарий. Представление глагола „выпить“*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева.

ТОЛСТАЯ, Светлана Михайловна (2013): Категория признака в символическом языке культур. В: Толстой Никита Ильич, Толстая Светлана Михайловна. *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. Москва: Институт славяноведения РАН, с. 123–134.

ТОЛСТОЙ, Никита Ильич (2013): Язык и культура. В: Толстой Никита Ильич, Толстая Светлана Михайловна. *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. Москва: Институт славяноведения РАН, с. 7–18.

ХИМИК, Василий Васильевич (2004): *Большой словарь русской разговорной речи*. Санкт-Петербург: Норинт.

ХРОЛЕНКО, Анатолий Тимофеевич (1991): *Семантика фольклорного слова*. Воронеж: Из-во ВГУ.

ШМЕЛЬКОВА, Вера Викторовна (2012): Лингвокультурологический аспект процессов архаизации и деархаизации лексики в современном русском языке. В: *Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: материалы международной научно-практической конференции (Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / Под науч. Ред. Алены Михайловны Мелерович*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, с. 114–117.

RESUMÉ

V článku jsou na příkladech reálií kulturních a každodenních z 20. století zkoumány typy nominací a zlidovělé reminiscence v některých slovech slangu mládeže. Současný stav mluvy mládeže lze charakterizovat aktivním užíváním slangu. Jde o zvláštní jazykovou vrstvu, pro niž je typická metaforizace významů slov. Mnohá slova ve slangu odrážejí vnímání reálií z oblasti lidové kultury, jež se mladým lidem v současnosti zdá být „cizorodá“. V článku se dokazuje, že slang mládeže dokonce absorboval tyto etnické reálie: СЕПАРАТОР (složité zařízení, stroj, mašina); СУНДУК (silák, „bedna“, mičman), БОДЯГА (prázdné pouzdro), ПРИКИД (módní oblečení, „vohoz“). Ve slangu mládeže a inteligence probíhají dva protichůdné procesy a tendence: na jedné straně je to eufemizace mluvy a na straně druhé její zhrubnutí.

Dále se analyzují proměny některých reálií a nominací v dialektní slovní zásobě ve srovnání se slovní zásobou spisovného jazyka. Reálie kulturního a každodenního života jsou vlivem, a tlakem sociálních, technických posunů nahrazovány novými, nicméně ve venkovském prostředí byla setrvačnost tradic do nedávné doby značná. Až do poloviny 20. století se v odlehklých ruských oblastech v soukromých hospodářstvích používaly pracovní nástroje a tradiční metody obhospodařování půdy, sklízně úrody, domácí nářadí a nádoby, využívané i na konci 19. století. V ruské lidové kultuře lze nalézt poměrně hojně tradiční pojmenování součástí domu/selského stavení, pomocných staveb uvnitř hospodářství: крыльцо (kryté zápraží), сени (předsíň), середь (síň), клеть (kotora), сен-овал (seník), крыша (střecha), конек (hřeben střechy, hřebenáč), ободворуца (předdveří), хлев (chlév), колодец (studna) atd. Uvedené „pojmové pole“ bylo nejvíce relevantní jak v dobách minulých, tak i v současnosti hraje významnou úlohu při konstrukci kulturního stereotypu obyvatel venkova. Slova jako ДВОР (venkovní prostor) a ДВОРЕЦ (prostor před domem), ОГРАДА (ohrazený prostor), ОБОДВОРИЦА (zahrada), КЛЕТЬ (úložný prostor pro potraviny) jsou reálie a jejich pojmenování jsou užívána místními obyvateli dodnes.

V článku je provedena podrobná analýza současných pojmenování v souboru oděvů, což umožňuje objasnit mechanismus setrvačnosti v povědomí národa při pojmenování starých a nových reálií (etnografický, folklórní a dialektní aspekt).

Příznakové pole reálií „oděv venkovanů“ doznalo rovněž změn. Tyto změny lze vidět v souboru reálií a jejich hierarchizaci, v sémantice příznaků, které jsou relevantní pro kulturní stereotyp určitého objektu. To jsou snad nejvíce pozorovatelné změny reálií a po-

jmenování ve 20. století. Je analyzována paradigmatica příznaků reálií a jejich odraz v pojmenováních etnodialektních mikrosystémů.

Tradičním oděvem žen byl sarafán. Ve vjatském regionu byl v 19. století rozšířen severský oděvní komplet se sarafánem. Zahrnoval košili, sarafán, pás, někdy také zástěru. Někdy název odrážel pojmy z historie a krajiny, z nichž byly reálie převzaty, zejména látka, střih a zvláštnosti ozdobných součástí, které byly převzaty z Moskvy.

Jedněmi z prvků ženského kompletu odívání jsou sarafán nebo zástěra. Ve vjatském dialektu se udržuje několik pojmenování pro zástěru: ЗАНАВЕСКА, ЗАПОН, ОПОДОЛЬНИК, ПРИПОН (nářeční pojmenování pro zástěru). Z analýzy jednotlivých aspektů prezentovaného problému lze provést určité závěry o vývojových zákonitostech některých reálií a nominací (lexémů) v rámci určitých sémantických, etnických a dialektních skupin.

1. Analýza etnických a dialektních nominací a jejich příznaků dovoluje rekonstruovat některé historické transformace, určit, jaké zaujímají místo v kulturních stereotypch 20.–21. století.

2. V současných podmínkách nadále pokračuje práce na sběru folklórního materiálu a dialektní slovní zásoby. V jedněch případech informanti při dotazech (interview) často vysvětlují etnografické reálie pomocí slovní zásoby, kterou znají od rodičů, ovšem změny v technologiích, konstrukci, ve výrobních postupech nenabízejí nové nominace.

3. Slovníková podoba etnických a dialektních materiálů, jako jeden ze zdrojů při studiu národní kultury, poskytuje etnografovi, folkloristovi a především ve velké míře dialektologovi materiál k dalšímu etnolingvistickému popisu různých fenoménů v určitých regionech.